

Сатпрем

На пути к сверхчеловечеству

САТПРЕМ
НА ПУТИ К СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСТВУ
ЭССЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

...После того, как все рухнет, Может быть, мы найдем ключ К совершенству, который
Таится внутри

...We may find when all the rest has failed Hid in ourselves the key of perfect change.

Шри Ауробиндо

Все тайны очень просты, потому что Истина проста, это самая простая вещь в мире, именно поэтому мы ее не замечаем.

В мире существует только одна Вещь, а не две, как начали замечать физики и математики, как это знает ребенок, улыбающийся набегающей на берег волне, где сама пена, кажется, выкатывается из глубины веков и сливается с великим ритмом, который восстает из старой памяти и соединяет жизнь и страдания в одну историю, такую древнюю и такую беспредельную, что кажется, будто она существовала вечно, и будто чайка уносит эту беспредельность на своем крыле. И все содержится в одной секунде, все годы и все души в одной простой точке, ко торая блеснет на мгновение в шальной пене.

Но мы потеряли и эту точку, и эту улыбку и эту поющую секунду. И тогда нам захотелось восстановить это единство с помощью сложения $1+1+1...$, как если бы набор всех возможных знаний о всех возможных точках мог дать нам точную сумму, единственную сумму, которая заставляет петь, движет миры и сердце нашего забытого ребенка. Это Простота, мы захотели подогнать ее под свои кошельки, и чем больше увеличивалось количество наших ученых кнопок, тем больше упрощалась жизнь и тем дальше улетали птица и улыбка, и даже сама пена все это было отравлено нашими расчетами. Мы даже не знаем, принадлежат ли нам наши тела, ибо наша прекрасная Машина все поглотила.

Итак, эта единственная вещь - это также единая власть, потому что то, что блестит в одной точке, блестит также во всех других точках; если это понятно, то станет понятным все остальное: в мире есть только одна власть, а не две. Даже ребенок прекрасно понимает это: он король, и он неуязвим. Но ребенок рас тет и забывает.

И вырастают люди, нации и цивилизации, каждая по-своему ища Великий Секрет, простой секрет: кто с помощью оружия и побед, кто с помощью медитаций, магии и красоты, религии или науки. И по правде говоря, мы точно не знаем, кто преуспел больше: потому что одни отказались от жизни, чтобы понять ее; другие приняли ее, не понимая; третьи оставили след красоты; четвертые - белый след в небе, а мы последние в этом списке - вот и все. И мы не нашли еще нашу магию.

И эта точка совсем маленькая, могущественная, все время здесь, на пляже великого мира: она сверкает для тех, кто хочет, такая же, какой она была в то время, когда мы еще не были людьми в этом подзвездном мире.

Однако некоторые народы коснулись Секрета: древние греки, возможно, владели им, а также египтяне и, конечно, Риши ведических времен. Но секреты похожи на цветы прекрасного дерева, на цветы, у которых свое время, свой скрытый период созревания и внезапное распускание. Всему свое время, свой момент даже для перемещения звезд над нашими головами - все движется согласно единому ритуалу, и точно так же - человек. Секрет, то есть знание,

власть, имеет свое органическое время, и одна маленькая изолированная клетка, более развитая, чем другие, не может воплотить всю власть знания, то есть не может изменить мир, не может ускорить распускание большого дерева до тех пор, пока вся остальная эволюционная почва не будет к этому готова.

И это время пришло.

Оно пришло и зреет как почка повсюду на земле, даже если этот невидимый цветок проявляется пока как ядовитая пустула: студенты в Калькутте обезглавливают статую Ганди, рушатся прежние идеалы, ищущие умы призывают к разрушению и прибегают к помощи варваров (как было в Древнем Риме), чтобы разрушить свою собственную тюрьму; другие ищут спасения в искусственном раю - все равно какой путь, но только не этот! И Земля ухает и стонет всеми своими трещинами, всеми клетками своего огромного тела в процессе трансформации.

Так называемые "беды" нашей эпохе - это завуалированные роды, и мы не знаем, с какого конца подойти к этому. Мы перед новым эволюционным кризисом, таким же радикальным, как это, вероятно, было во время первого проявления человеческих признаков среди обезьян.

Но поскольку тело Земли является единым, как сама Истина, то и лекарство одно, и, если изменится одна точка, то это повлечет за собой и все остальные. И эта точка не находится ни в одном из наших законов, которые, как нам кажется, нужно лишь усовершенствовать, ни в одной из наших систем, наших наук, наших религий, школ, наших "измов" всех цветов и запахов все более это является частью старого механизма, подтянуть еще один болт или что-то добавить, или улучшить - все эти попытки ничего нам не дадут, так как весь наш Механизм полностью износился. И эта точка не располагается ни в нашем интеллекте, который создал весь этот Механизм, ни даже в улучшенном человечестве, которое будет прославлять свои слабости и свое прежнее величие.

"Несовершенство человека не есть последнее слово Природы, - говорит Шри Ауробиндо, - и его совершенство тоже не является последней вершиной Духа". Все это в будущем, непостижимом для нашего интеллекта, но оно уже прорастает в сердце человека как цветок фламбуайна, когда у него опадут все листья.

Если мы вникнем в суть явления, то по меньшей мере мы обнаружим рычаг этого будущего. И в чем же заключается эта суть, если она не в том, что мы считаем прекрасным, добрым и хорошим, исходя из человеческих норм?..

Когда-то первые рептилии, вышедшие из воды, захотели подняться в воздух; первые приматы, вышедшие из леса, окинули землю удивленным взглядом; один и тот же толчок заставляет их видеть другое состояние, и, может быть, вся сила трансформации и заключалась в этом простом взгляде, стремящемся к чему-то дугому, как если бы этот взгляд и этот зов, и эта манящая точка неизвестности имели бы власть открывать фонтаны будущего.

На самом деле эта точка содержит все, может быть, это искра солнечного "Я", бесконечная единая, горящая в сердце людей и вещей в каждой точке пространства и в каждой секунде, которая неустанно превращается в вечность быстрее, чем это можно увидеть в одной вспышке молнии. Будущее принадлежит тем, кто полностью отдается этому будущему.

И мы говорим, что существует будущее более великолепное, чем все электронные раи ментала: человек не является концом цепи, он не более чем археоптерикс на вершине рептилий и где же тогда может остановиться Эволюционная волна? И мы хорошо это видим, нам кажется, что мы изобретаем все более и более современные машины, что мы постоянно расширяем человеческие возможности, что мы продвигаемся к Юпитеру и Венере, но это всего лишь видимость, на самом деле мы ничего не преодолеваем; мы посылаем в космос маленькое жалкое существо, которое не может позаботиться даже о собственном племени и которое даже не знает, что содержится в его подвалах, - то ли дракон, то ли плачущее дитя. Мы не прогрессируем,

а только раздуваем безмерно огромный ментальный шар, который может скоро лопнуть; мы не улучшили человека, а только увеличили его. Иначе быть не могло. Ошибка заключается не в недостатке доброжелателей или интеллекта, поскольку эти последние, доведенные до крайности, могут дать только сверхсвятых или сверхмашин-чудовищ.

Святая рептилия в своей норе будет вершиной эволюции не более чем святой монах. Иначе нам нечего сказать. На самом деле вершиной человека или чего бы то ни было является не совершенствование данного вида, а "что-то другое", что не является этим же самым и к чему стремиться данный вид. Таков закон эволюции.

Человек не является окончательным продуктом эволюции, человек это переходное существо, - говорил Шри Ауробиндо, - он на пути к сверхчеловеку, и это так же неизбежно, как то, что последний росточек последней ветки содержится в зерне дерева. И наш единственный вопрос во все времена, который надо разрешить, вопрос, который расширяет земной корабль, заключается в том, как осуществить переход.

Ницше говорил это тоже. Но его сверхчеловек был только колоссализацией современного вида, и мы видели, как он обрушился на Европу. Это не был эволюционный прогресс, это был возврат к прежнему варварству зверя в человеческом облике в образе блондина или брюнета, возврат к человеческому эгоизму.

Мы не нуждаемся в сверхчеловеке, нам нужно что-то другое, что уже пробуждается в человеческом сердце и что отличается от человека так же, как кантаты Баха от первого рычания, которое извергали обезьяны.

Но на самом деле и кантаты Баха бедны по сравнению с гармониями будущего, навстречу которым начинает осторожнораскрываться наш внутренний слух.

Именно это раскрытие, этот переход мы и хотим изучить в свете того, что мы узнали от Шри Ауробиндо и от той, которая является продолжателем его дела, но дух операнди перехода для того, чтобы мы могли сами ухватить рычаг и работать методично над своей собственной эволюцией.

Секрет жизни не в самой жизни, секрет человека не в самом человеке. Нам надо найти точку трансмутации, и тогда, может быть, мы снова откроем то, что ребенок видит на пляже в комке шальной пены, ту наивысшую музыку, которая создала миры, то единственное Чудо, которое ждет своего часа.

И то, что казалось для человека невозможным, станет для него детской игрушкой

Ментальная крепость

Трудности возникают потому, что мы думаем, что должны их разрушить самостоятельно. Если бы наша интеллектуальная сила (или слабость) не вмешивалась, если бы мы не применяли при решении проблемы свои большие или малые способности, то, как мы полагаем, мы были бы обречены на провал. Таково убеждение ментального человека, и мы очень хорошо знаем результаты этого. Но даже если бы они были великолепны, они все равно имели бы высший порок, который заключается в том, что они несут в себе плод только интеллекта, кроме тех случаев, когда жизнь вдруг расстраивает наши планы.

Иначе говоря, наше ментальное существование - это замкнутая система. Ничто не может туда войти, кроме того, что мы сами туда вносим. Это краугольный камень нашей Крепости.

Вторая неизбежная характеристика - это его строго механическая система: все развивается под колпаком мысли, плана или вышеназванного мускула, который мы задействовали, и почти ничто не может войти, кроме того, что мы подготовили. Все, что мы растратили, все измеряется до мельчайшей линии: каков вес, такова и мера... Все предусмотрено в коэффициенте пущенного в ход интеллекта. То есть вся система крепко-накрепко скреплена до малейшего закоулочка.

Нет ни одного слабого места, кроме того, когда вдруг само наше существование потрясает наши безупречные мерилы.

И его третья характеристика, неизбежно вытекающая из первых двух, - это его совершенная "объективность": ничто не ускользает или то, что ускользает, будет в тот час же учтено, сведено к уравнению и "запрограммировано", чтобы быть вложенным в круговорот машины и тем самым раздуть еще больший воздушный шар. И, конечно, все объективно, поскольку все носят одни и те же очки. Это значит, что система строго и четко обусловлена.

Мы начертили ментальный круг и, словно зачарованные, поместили себя внутрь вот и все.

Но, возможно, станет ясно, что это потрясающая иллюзия. И на самом деле иллюзия может лопнуть независимо от нас. То, что мы принимаем за ужасный беспорядок, есть, может быть, великий поток новой мощи, который несет свежий воздух в легкие ментализированных землян...

"Новая сила" - вот слово, которое уже имеет свой мистический дух, которое вызывает живой протест материалиста. Но мы признаем то, что сегодняшние материалисты так же устарели, как и вчерашние верующие, потому что они в замкнутой системе, они закреплены, стянуты болтами, обусловлены и являются пройденным этапом. И те, и другие являются продуктом ментального круга, орлом или решкой одной и той же монеты, которая вот-вот будет признана фальшивой. Речь не идет о Боге или не-Боге, речь идет совсем о другом; как дышится с другой стороны, а там очень хорошо дышится, и можно сказать, что мы и не дышали раньше и что мы впервые вдохнули по-настоящему.

Итак, совершить переход, рассчитывая только на свои собственные силы, мы не сможем; если бы условие было таковым, то никто не смог бы этого сделать, за исключением, может быть, умственных атлетов. И эти умственные атлеты медитаторы, аскеты, занимающиеся концентрацией, не выходят из круга на самом деле, хотя внешне они производят такое впечатление: они раздувают еще больше свое умственное эго (эта формула эго еще хуже, чем другая, она более скрытая, потому что в ней есть некоторое зерно истины), и их озарения - нечто иное, как световой заряд их собственного аккумулятированного облака.

Математика проста: из круга не выходят за счет силы самого круга, так же как лотос не выходит из грязи в силу самой грязи. Нужно добавить туда немножко солнца. Аскеты, святые и основатели религий коснулись только разреженной макушки ментального пузыря и с течением времени породили Церковь или что-то другое, странно напоминающее замкнутую систему, от которой они оттолкнулись, то есть догму, свод законов, правило единственного пророка, родившегося в 000 благодатном году, вокруг которого витала красивая легенда, навечно привязанная к 000 году, как электрон к ядру, звезды к Большой Медведице, а человек к своему пупку.

Или же они выходили из этого, то только духовно, оставляя землю и тела гнить по-прежнему... Мы очень хотим, чтобы наш новый двигатель был более светлым, чем прошлый, более разумным, более добродетельным и чтобы он помог людям, но, как мы видим, в течении тысячелетий в ментальном круге ничего не изменилось, потому что его свет был только другой стороной той же самой тени, белое от черного, хорошее от плохого, добродетель от ужасного порока, который сдавил нас всех в глубине наших подвалов.

Эта беспощадная двойственность, которая обурекает всю жизнь ментального человека, - очевидно, неразрешима на уровне самой двойственности: это тоже самое, как если бы мы стали правой рукой бороться против левой. Это именно то, что делает, без большого успеха, ментальный человек на всех уровнях своего существования, противопоставляя свое небо - аду, свою материальность - духовному, свой индивидуализм - коллективизму или любому другому "изму", который профилирует в данной злополучной сфере. Но оттуда не выходят по декрету какого-то "изма", доведенного до совершенства: лишенная своего неба, наша Земля будет

простой вращающейся машиной; лишенное своей материи, наше небо будет бледной туманностью, в которой плавают спокойные медузы невоплощенного духа; и лишенные индивидуумов, наши общества будут страшным муравейником, и даже лишенный своих грехов индивидуум потеряет плюс напряжения, который помогал ему расти.

Никакая идея, как бы велика она не была, не может изменить искусственность, и сама искусственность имеет свой смысл и время.

Природа нам все время напоминает о том, что у нее есть на все свои причины. Мы возомнили, что превзошли ее, потому что мы наделили ее разумом, классифицировали и воспользовались кое-каким из ее секретов, но, делая это, мы подчиняемся раз ее закону. И если правда то, что она создала из бледной протоплазмы щупальца актиний, отливающие разными цветами, для того, чтобы лучше захватывать свою добычу, и миллионы друших видов, составляющих разноцветную картину нашей доброй Земли, то, надо думать у нее есть свои основания на то, чтобы создать разнообразные человеческие типы актиний, которые захватывают свою добычу, которую они способны удержать в многоцветной сети тысяч мыслей, чувств, импульсов. И если этот ментальный круг, этот беспокоящий полип замкнулся на нашем виде, то, конечно, он не является бесполезной западней, через которую мы могли бы перепрыгнуть, если бы мы были немного похитрее. И зачем это делать, если мы просто можем выйти из него?

Если бы какой-нибудь пастух времен Упанишад мог сразу совершить скачок и стать сверхчеловеком, то зачем тогда, с точки зрения эволюции, все эти труды и эта кровь? Нет в мире ничего бесполезного, и мы находимся в нем, чтобы испытать боль, которая не несет в себе скрытой силы освобождения.

И польза не в том, что воображает себе ментал, гордый своими знаниями и открытиями, поскольку он все время путает инструмент с Мастером. Мы поверили, что ментальный инструмент является конечной целью и средством, и что эта конечная цель есть господство все более возрастающее, более победоносное, более неоспоримое ментальной сферы, которую он наполнил великолепными городами и ме нее великолепными пригородами. Но это является вторичной целью, это опухлевый нарост. Становится ясно, что основной целью Ментала в человеке является не стремление сделать его более умным (умным по отношению к чему? Мысль в своей норе имеет тоже прекрасный интеллект в пределах своей сферы), а индивидуализировать его в недрах своего вида и снабдить его возможностью измениться, в то время как другие виды индивидуализированны в их основном и неизменном виде, в конце концов сделать его способным сделать взгляд на то, что превосходит его собственное состояние. С этой индивидуализацией и началась "ошибка" человека, его "грехи", его прискорбная двойственность; но возможность ошибок также таит в себе возможность прогресса, и поэтому все наши заступнические морали потерпели и потерпят крах навсегда: если бы мы не совершали ошибок и были бы абсолютно безупречны, мы были бы застойным и безошибочным видом как моллюски. Игаче говоря, Ментал является инструментом ускорения эволюции, это двигатель эволюции. За 50 лет развития нуки человек продвинулся вперед намного больше, чем за тысячелетия до научного периода. Но в каком направлении? Конечно, не в смысле обманчивого мастерства, не умения жить, а в смысле ментальной насыщенности вида. Из круга невозможно выйти иначе, как только наполнив его, в индивидуальном и коллективном смысле. Одному невозможно перейти на другую сторону: переходят все вместе (или могут перейти) или же никто, и вперед идет весь вид, потому что существует только одно тело Человека.

Вместо горстки посвященных, рассеяных в непросвещенной и полуживотной человеческой массе весь вид целиком находится в процессе осуществления своего посвящения, или, говоря на языке эволюции, своего последнего видо изменения. Мы пересекли ментальный круг не для

того, чтобы посылать ракеты на Луну, а для того, чтобы быть способным и индивидуально, сообщая и добровольно совершить переход в высший круг.

Разрыв круга - это великий органический факт всех наших времен. И всякая двойственность, все противоположные полюса, грехи добродетелей и добродетели грехов и весь этот явный хаос - все является инструментами совершаемой Работы, "тензоры", если так можно выразится, которые прижимают нас изо всех сил к железной стене - иллюзорной стене.

Но иллюзия спадет лишь тогда, когда мы захотим ее увидеть. Мы подошли к этому. Иллюзия еще не умерла, она сопротивляется с беспрецедентной силой, снабженная всем оружием, которое мы для нее добросовестно начистили до блеска, но это последние скачки колосса на глиняных ногах, который на самом деле является гномом в каске по нижнюю челюсть.

Это хорошо знали древние мудрецы Индии, которые разделили человеческую эволюцию на четыре концентрических круга: круг людей познания (брахманов), которые господствовали в начале человеческой эпохи в "век истины", затем круг благородных и воинственных (кшатрии), в котором оставалось "три четверти истины", далее торговцы и буржуа, которые владели только немногим более "половины истины", и, наконец наш век, век "маленьких людишек", Шудра, слуги (механики эго желаний), великий пролетариат завербованных свобод - "Черный век", Кали Юга где вовсе не осталось истины.

Но поскольку этот круг самый крайний, потому что все истины были испробованы, исчерпаны, всевозможные пути пройдены, мы подходим к разрешению, к истинному решению, к точке выхода наружу нового века истины, "супраментального века", о котором говорил Шри Ауробиндо, и который, как коробочный плод, разрывает свою последнюю оболочку, чтобы освободить свой золотой плод. И если отношение между большим коллективным телом и нашими человеческими телами точно, то можно было бы сказать, что центр, который управлял веком мудрецов, располагался на уровне лба, в то время, как центр века благородных находился на уровне сердца, в век торговцев - в животе, и центр, управляющий нашим веком, находится на уровне отработанных масс и секса. Спуск завершен. Но этот спуск имеет смысл, и смысл для Материи. Если бы мы оставались все время на фронтальном уровне божественных истин ментала, никогда бы эта земля, это тело не имело бы возможности трансформироваться, и решение, возможно, было бы в уходе в какую-то духовную сферу, или нирвану.

Теперь нужно, чтобы все изменилось, даже материя и тела, потому что мы в самом нутре! И в силу иронии судьбы это может быть самая большая услуга, которую нам оказывает черный век, научный и материалистический: он вынудил дух настолько углубиться в материю, что не остается, как потеряться в ней или же трансформироваться вместе с ней.

Абсолютная чернота - это только тень более сильного Солнца, которое углубляет свою пучину, чтобы выплеснуть оттуда постоянную красоту, находящуюся на очищенной основе нашего земного подсознания, прямо воспринимающего истину до самых клеток нашего тела.

О, Раса, рожденная землей, влекомая судьбой, сжимаемая Силой, О, жалкие искатели приключений в бесконечном мире, Пленники карликового человечества, Будете ли вы вечно вращаться в монотонном круге ментала Вокруг маленького "я" и ничтожных пустяков?... Всевидящий, смелый Создатель - он в вас, Безупречное величие витает над вашими жизнями, Всемогущая власть заключена в клетках Природы... (Шри Ауробиндо)

Эта задача, невозможная для нас, не является невозможной для Великой Исполнительницы, которая подвела эволюционную игру к этой критической точке. Она может. Речь идет о том, чтобы ухватить эти скрытые пружины или, скорее, предоставить себя Ей и сотрудничать в нашей собственной эволюции, имея глубокое понимание Великого Процесса. И мы достигнем этого не в силу умственного атлетизма старой замкнутой системы, а в результате радикального скачка с широко открытыми глазами и в полном сознании, просто предоставив себя богам будущего,

имея решимость изгнать чудовищную иллюзию из самых последних уголков, открывшись полностью навстречу нивысшей Возможности, которая возьмет нас на руки и понесет по солнечной дороге даже раньше, чем мы сделаем четверть шага навстречу Ей.

Поскольку в действительности "бывают моменты, когда Дух движется среди лю дей есть и другие, когда он удаляется и оставляет нас на самих себя, в зависи мости от силы или слабости нашего собственного эгоизма.

Бывают периоды, когда даже легкое усилие может привести к великим результатам и изменить судьбу..."(Шри Ауробиндо).

И мы в действительности находимся как раз в этом периоде.

Великий процесс

Секрет круга заключается в следующем круге, который непосредственно следует за ним также, как как секрет стрелы заключается в той цели, в которую она направлена, и, если бы мы могли подняться к хозяину-стрелку, мы обнаружили бы этот секрет секретов, центральную точку, которая определяет этот круг и все другие круги, цель всех целей. Но сказано, что открытия делаются постепенно и что мы должны подниматься шаг за шагом, то орудия к Руке, которая управляет орудием, потому что мы сами начали с того, что были этим орудием: маленькая жизненная антенна впадает на ощупь вокруг "я" жизни прежде, чем превратится в ночную бабочку или в сороконожку; эта маленькая ментальная антенна необъяснимо вибрирует вокруг хрупкого "я", прежде чем стать человеком среди людей, и эта маленькая антенна, еще неопределенная, кажется, лбходится без чувств и мыслей, чтобы вывести нас к другому Я, еще более значительному, до того дня, пока мы не придем к великому Я и не будем завершены; мы нашли Хозяина всех орудий и заверченный смысл траектории.

Но мы, находящиеся в конце нашего ментального цикла, в этот век служителей его, двойственно пользующихся маленьким думающим "я", каким образом мы узнаем секрет того, что в данный момент нам кажется бесконечным и волнующим "не я", а может быть, даже пазрушителем того, что мы не знаем прочно, как "я". По правде говоря, дорога прокладывается по ходу, как в лесу. Дороги нет. Она не существует - ее нужно делать.

И когда мы сделаем несколько шагов, как нам кажется, вслепую, мы замечаем, что эти шаги наощупь нас привели к первой прогалине и что все время мы были ведомы, вплоть до смутных спотыканий, верной Рукой, которая вела уже меандры сороконожек, потому что на самом деле та цель, которую мы ищем, уже внутри, это - Вечная Цель.

Это будущее, которому миллионы лет и которое молодо, как только что народившийся ребенок; он на все раскрывает глаза, он постоянно очарован. Найти его это значит выйти в постоянное очарование, в ежесекундное рождение мира.

По меньшей мере у нас есть вехи, чтобы сделать эти первые шаги, и если мы себя спросим о будущем человека ("спросим" не так, как теоретик, плетущий свою напрасную нить и добавляющий одну идею к другой, чтобы раздуть ту же самую вечную историю, а как моряк, прокладывающий курс кораблю, то, может быть, мы обнаружим какие-то координаты, всматриваясь в древний животный цикл, когда мы еще были только будущим обезьяны. Животное устройство просто. Оно целиком залучено в своих когтях, в своей добыче, в своих органах чувств, в Северном ветре. Икогда оно не добывает пищу, оно совершенно спокойно и его голове нет даже тени сомнения в своем прошлом или в своем будущем. Оно делает только то, что надо, и в ту минуту, в которую надо. Оно в полной гармонии с универсальным ритмом. Но когда первые более развитые обезьяны начали выходить из лесов, они уже были не такими; они смотрели на мир уже не так прямо линейно: прошлое уже имело свой вес, а будущее свои заботы.

И мы, может быть, на опушке леса из бетона и титана, перед той же самой тайной, но еще

более чудесной и не менее бесполезной, в тот самый момент, когда мы останавливались среди потока вещей на этот раз не для того, чтобы поразмыслить, а чтобы бросить немой взгляд, подобно слепому, на первого человека, который думает, делает расчеты, страдает и борется.

Мы направляем туда странную антенну, которая вовсе не имеет смысла и кото рая кажется, вращается в темноте и, однако, заключает в себе секрет следующего цикла и такие чудеса, перед которыми блистательные ракет XX века покажутся детскими игрушками варваров.

Мы осуществляем второй возврат к себе, мы стучимся в дверь незнакомого тре тьего цикла , мы держим нить Великого Процесса.

Как мы уже сказали, секреты очень просты, к несчастью, ментал завладел ими, как он завладел всем и поставил его на службу своему ментальному, жизнен ному и интеллектуальному "эго".

Он обнаружил возможности медитации и концентрации, более тонкие энергии, высшие планы ментала, которые являются как бы божественным источником нашего существования, потоки света, которые идут не от Луны и не от звезд, способности более непосредственные и почти сверхчеловеческие - он поднялся вверх по шкале сознания, - но все это только сублимировало и выделило редкие человеческие эк земпляры, сублимировало настолько, что, кажется нет другого выхода из этого подъема, как только совершить последний скачок, избавившись от двойственности, в неизменный мир вечных истин. И души, может быть, будут спасены, в то время как Земля продолжает вращаться во все более и более сгущающемся мраке.

И то, что должно было быть секретом Земли, стало секретом неба. Завершился самый страшный раскол во все времена, самая черная из двойственностей вписалась в сердце Земли. И даже те, кто должен был быть верховным организатором рода человеческого, стали его дезорганизаторами, которые разрывают мир на части: поруганная Земля не имеет другого выхода, как только поверить в самую себя и собственные силы.

Но на этом не кончается нанесенный ущерб; нет ничего липкого, чем ложь, она прилипает нашим подошвам даже тогда, когда мы сворачиваем с ложного пути.

Некоторые прекрасно видели земную значимость Великого Процесса - Дзен, Тантрики, Суфи и другие - и все более и более дезорганизованные умы поворачива ются к нему и к самим себе; никогда еще не процветало такое количество более или менее посвященных школ. Но старая ошибка не уступает (на самом деле мы не уверены до конца, можно ли это назвать "ошибкой", потому что в итоге всегда оказывается, что так нзываемая ошибка была пройденным витком той же Правды с тем, чтобы обрести более широкое видение себя).

Потребовалось столько усилий мудрецов того времени и менее мудрых другого времени и столько условий мира, суровости, тишины, чистоты, чтобы прийти к бо лее проясненной цели так, что идея вписывалась раскаленным железом в наш подсознательный ум, и будь меньше специальных условий, меньше мыслителей этого поприща, врожденных специальных и мистических качеств, было бы поистине невоз можно стать на этот путь или же во всяком случае достигнутые результаты были бы жалкими и непропорциональными затраченным усилиям.

И, естественно, это еще и личное предприятие, утонченное продолжение куль туры по книгам. Итак, эта новая дихотомия может быть более серьезной и более вводящей в заблуждение, чем другая между массой неискушенной и "проясненной" элитой, которая жонглирует потоками света, о которых можно сказать все что угодно, потому что это невозможно проверить через микроскопы. Наркотические средства нам тоже довольно дешево открывают головокружительные возможности по чувствовать яркие потоки света. И у нас нет к этому ключа, простого ключа. Однако Великий Процесс и есть простой процесс.

Надо полагать, что существует радикальная ошибка в методе и прежде всего в преследуемой

цели, а что мы воистину знаем о цели, мы, погрузившись в материю, ослепленные натиском мира?

Наш первый инстинкт толкает к тому, чтобы воскликнуть: "Нет! Не здесь! Не в этом мире! Не в этой грязи, боли сутолоке, не в этом мрачном мире, из него нуж но выйти любой ценой, освободиться от тяжести плоти и от борьбы, от этой скры той эрозии, где кажется, мы растворяемся в тысячах ненасытных пустяков". И мы заявили, что Цель там, наверху, в небе свободной мысли, в небе искусства, поэзии и музыки, в любом другом небе, но тоько не здесь! Мы здесь только для того, чтобы постигнуть радость собственного неба - литературного, художественного, религиозного или эстетического, постигнуть великие каникулы наконец освободившегося Духа. И мы взбираемся, карабкаемся, поэтизируем, наделяем разумом, обожествляем, мы отбрасываем то, что может усложнить, строим защитную стену из наших отшельнических созерцаний, из нашей комнатной йоги, из наших частных медитаций, чертим белый круг Духа, как если бы он был новым умственным колдуном и мы помещаем себя внутрь - вот и все.

Но, делая это, мы, может быть, допускаем такую же грубую ошибку, как и примитивный человек в своей первой свайной постройке, который бы объявил, что Цель ментальное небо, которое он открывает на ощупь, не здесь, не в той грубой повседневной жизни, не в орудиях труда, не в этих ртах, которые надо кормить, не в этих запутанных сетях и бесконечных капканах, а где-то в отдаленных ледниках и какой-нибудь австралийской пустыне, и он бы выбросил свое орудие. И тогда уравнения Эйнштейна никогда не увидели бы свет.

Теряя свое орудие, человек теряет свою цель; теряя всю эту грубость, боль, мрак, трудность жизни, мы, может быть, погрузимся в блаженство Духа, но полностью потеряем Цель, потому что, возможно, Цель именно здесь, в этой самой грубости и мраке, в этой боли и в этой трудности. Так же, как примитивный человек смотрел на свое орудие, неспособный понять, что жест, соединяющий камень с палицей, соединял уже кривую наших мыслей с движениями Юпитера и Венеры и что ментальное небо присутствует повсюду, здесь внизу, во всех местах и во всех избыточных явлениях так же, как наше "близкое небо" находится у нас перед глазами, скрытое под нашим фальшивым разумным взглядом, заключенное в белый круг так называемого "Духа", который является только человеческим приближением к следующей стадии эволюции. "Жизнь, только жизнь является почвой для нашей йоги", - воскликнул Шри Ауробиндо. Однако процесс, Великий Процесс здесь, такой же, как он начался с Ледникового периода, но это момент остановки, второго возврата к себе, и то движение, которое он открыл обезьяне, и то, которое он открыл спиритуалисту прошлого или ушедшего века, не является указателем будущего направления, это ошибка! Нет улучшения того же самого движения, нет усовершенствования кремниевого орудия труда или орудия ментального, нет более высокого подъема, более утонченной мысли, более глубокой медитации или открытий, которые прославляли бы существующий мир, сублимировали старое, создавали бы ореол вокруг отжившего животного - есть совсем другое, совершенно другая вещь, другой порог, который нужно переступить и который отличается от нашего так же, как растения от животного; нужно сделать другое открытие, которое уже здесь, которое полностью меняет наш мир так же, как мняется мир гусеницы под взглядом человека, однако это тот же самый мир, но под разным углом зрения, другой Дух (осмелимся так сказать), - который полностью отличен от религиозного или интеллектуального, или же великого чистого Духа на вершинах Абсолюта, так же, как человеческая мысль отлична от первой вибрации цветка шиповника под лучами солнца, и, однако, это тот же самый Дух, но в более объемлющей конкретизации самого себя, потому что направление Духа идет не снизу вверх, а сверху вниз, и он все более воплощается в материи, потому что сама материя мира мало-помалу освобождается от наших ложных взглядов гусеницы,

ложных человеческих или разумных взглядов, или же, скажем, мало-помалу распознается под нашим истинным взглядом, который становится все более верным. Этот новый порог зрения зависит прежде всего от момента остановки нашей визуальной, нормальной, ментальной механике - и это великий Процесс, второй возврат к себе, - но путь к нему абсолютно новый; это новая жизнь для Земли, другое открытие; и чем меньше мы будем отягощены мудростью прошлого, уходом в прошлое, озарениями, правилами морали и добродетелями и всем шумным гамом прежних святых "Духа", тем больше мы будем свободны, выйдем из заблуждения, чтобы совершить открытие, и тем яснее увидим путь, который брызнет фонтаном из-под наших ног, как по волшебству, как бы из самой десакации. *(развенчание таинственного)

Этот сверхчеловек, о котором идет речь, ближайшая цель эволюции, - он не будет никоим образом высшей ступенью человека, позолоченный гипертрофией ментальных способностей и тем более пароксизмом духовным, чем-то вроде полубога в славе излучений, обладающим необъятным космическим сознанием, пересекаемым молниями, сказочными явлениями и "опытами", которые заставят побледнеть несчастного простого смертного, не охваченного эволюцией.

Действительного, и то, и другое возможно, все это существует и есть волшебные ОПЫТЫ, ЕСТЬ сверхчеловеческие способности, которые заставляют бледнеть доброго малого. Это не миф, а факт. Но правда, как всегда, очень проста. Трудность не в том, чтобы открыть новый путь, а в том, чтобы очистить от того, что не дает увидеть. Путь совершенно новый, абсолютно новый, никогда еще не виденный человеком и не топтанный атлетами Духа, и тем не менее, по нему ходят миллионы обычных людей и совершенно не понимают того сокровища, к которому они прикасаются.

Мы не будем теоретизировать по поводу того, что из себя представляет сверхчеловек, мы не хотим об этом думать - мы хотим создавать его, если это возможно, избегая старые заслоны, старые излучения света, оставаясь полностью, насколько это возможно, великому процессу Природу, все время двигаясь вперед, потому что это единственный способ участвовать в нем.

И даже если мы не уйдем очень далеко, может быть, случайно мы выйдем на первую прогалину, которая наполнит солнцем наши сердца и наши души, и наши тела, потому что все взаимосвязанно и все будет спасено вместе или же не будет ничего.

Потом придут другие, и они выйдут на вторую прогалину.

Солнечный путь

Существуют два пути, говорил Шри Ауробиндо: путь усилия и солнечный путь. Путь усилия нам хорошо известен, он сопутствует всей нашей ментальной жизни, потому что мы стремимся к чему-то, чего у нас нет, или мы считаем, что у нас этого нет.

Мы являемся существами переполненными недостатками, болезненными провалами, пустотами, которые надо заполнить, а эта пустота никогда не заполняется, поскольку едва она устранена, как на ее месте появляется другая и вовлекает нас в новую погоню. Мы являемся как бы отсутствием чего-то, которое никогда не становится присутствием, может быть, за исключением редких просветов, которые тут же исчезают и, кажется, оставляют после себя еще большую пустоту. Мы можем сказать, что не хватает того-то или того-то, на самом деле не хватает только одного - "я". Поскольку то, что есть действительно "я" - оно наполнено, потому что оно есть; все остальное приходит, уходит, возвращается, но не отсутствует.

Животное полностью вмещается в свое животное "я", и когда оно удовлетворяет свои насущные потребности, оно находится в равновесии и в согласии с окружающим миром.

Ментальный человек не находится в своем "я", хотя он так не считает, - он даже верит в значимость своего "я", потому что оно должно изменяться, как и все прочее, и существуют "я" большие или меньшие, более или менее ненасытные, более или менее ловкие, удачливые или

здоровые. Добиваясь чего-то, оно признается в собственной слабости, потому что каким же образом то, что есть "я", может быть "я" в большей или меньшей степени? Оно есть или его нет. Ментальный человек не находится в своем "я", он на своем складе, со страстью к приобретению, как крот или белка.

Где же оно, это "я"?

Задать этот вопрос - значит постучать в дверь следующего витка, осуществить второй возврат к себе. И здесь тоже нет смысла теоретизировать по поводу, что такое есть "я", а нужно отыскать его и доказать экспериментально.

Как мы уже сказали, метод должен основываться на жизненных и материальных данных, потому что действительно мы очень даже можем закрыться в своей комнате отгородиться от мира, устранить свои желания, снять напряжение, вобрать в себя бесчисленные щупальца и тому подобное, мы сможем, зажавшись, обнаружить, может быть, в своем маленьком внутреннем круге какое-то прояснение "я", какую-то не выразимую сверхчувствительность. Но с той минуты, когда мы откроем дверь комнаты и расслабимся, все вновь навалится на нас, и мы окажемся в том же самом мире, что и раньше, но только более неспособные к тому, чтобы переносить и этот шум, и этот поток ненасытных желаний, которые ждут своего часа. И мы должны пересечь этот занавес не за счет силы наших добродетелей или наших исключительных медитаций, но за счет совсем другого и совершенно другим способом.

Раздвоение

Начиная с этого момента, возможно, раздвоение и вступление на этот путь повлечет за собой серьезные последствия, которые могут оказать влияние на всю жизнь. Это совсем не значит, что один путь истинный, а другой ложный, так как в итоге, мы считаем, что все истинно, потому что это увеличивающаяся правда, а ложь только запаздывает или упорствует, в правде она уже исчерпала свое время и сослужила свою службу.

Начиная с того момента, когда мы вышли из механизма внешнего или внутреннего, на самом деле, один является отражением или выражением другого, и когда мы изменились внутренне, мы обязательно изменимся внешне и когда перестанем "ментализировать" жизнь, она перестанет быть ментальной машиной и станет другой жизнью и с этого момента мы начинаем обретать определенную широту в буквальном смысле; не будучи больше привязанным и к этой маленькой тени, как коза к колышку, мы сможем двигаться в двух основных направлениях.

Мы можем пойти по пути подъема, то есть все большего и большего уточнения облегчения, уйти в маленькой очаровательной солнечной ракете, о существовании которой мы можем догадываться, коснуться более свободных областей сознания, исследовать более легкие пространства, обнаружить высшие ментальные планы, которые являются как бы чистым источником всего того, что происходит здесь, в деформированном и очень приблизительном виде, и то, что здесь нам кажется лицом ангела оказывается карикатурой. И это очень соблазнительно, это настолько соблазнительно, что все мудрецы и несколько торопливые исследователи, или даже те, которых мы бы назвали теперь передовыми умами или гениями, пошли по этому пути, и он длится тысячелетия.

К несчастью, когда попадаешь наверх, опуститься снова вниз очень трудно и даже если хочется снова опуститься и тебя тянет на какой-то веревке гуманности и милосердия, ты замечаешь что средства наверху не имеют вовсе силы здесь, существует какая-то пропасть, разрыв между тем светом и этим мраком, и по пути все то, что мы хотим (или можем) спустить сверху, доходит сюда в уменьшенном, разбавленном, измененном, утяжеленном виде и в итоге теряется в огромных рытвинах нашего Механизма.

Слишком блестящи наши небеса, слишком далеки там в вышине, Слишком хрупка их

эфирная субстанция, Слишком великолепная и неожиданная. Наш свет не смог там остаться; Корни его были недостаточно прочны. Шри Ауробиндо

Это и есть вечная история об Идеале и о "реальности" - идеал неизбежно осуществляется, поскольку он является несколько отдаленным будущим, но путь очень длинный и правда часто появляется как бы разрушенная, поруганная. Таким образом, надо укоротить путь, эту деформирующую передачу между "вершинами" и "долинами". Но, может быть, вершина в итоге находится совсем не наверху. Вероятно, она повсюду, здесь, на нулевом уровне, но только прикрыта механизмом и последовательными слоями нашей эволюции, как алаз в породе.

Если путь подъема является единственно возможным выходом, тогда ничего не остается, как выйти окончательно из всего этого всем. И действительно триумфом обезьяны является святой, то можно усомниться в том, что эволюция достигнет когда-либо своей счастливой или блаженной цели и что вся Земля будет святой - кроме некоторых, одержимых своей святостью? Мы не верим, что эволюция имеет замыслом последнее моральное деление на избранных и проклятых. Эволюция не есть мораль; она и ее древо зреет таким образом, чтобы все его цветы распускались; эволюция не закончена - она охватывает все в пышном изобилии; эволюция не стремительно несущийся перебежчик; иначе она никогда бы не началась на Земле. Природа последовательна, она более мудра, чем наши ментальные связи, и даже более мудра, чем наши святости.

Но она очень медлительна - и в этом ее недостаток.

Итак, мы хотим укоротить путь. Мы хотим сжать эволюцию, сделать ее сконцентрированной, не нарушив ее принципов. И поскольку Природа включает все, мы будем следовать ее методике, и поскольку она не стремится убежать от самой себя, а заставляет плодоносить свое зерно, мы попытаемся тоже заставить плодоносить это зерно, заставить расцвести то, что уже есть внутри, вокруг и повсюду. Только нужно найти это зерно, так как есть много плохих зерен, и они тоже имеют свою привлекательность и свою пользу.

Таким образом, мы не пойдем искать свою вершину туда, вверх, а мы пойдем вглубь, потому что, может быть, наш секрет уже здесь, в простой нереложной Правде, которая однажды бросит зерна в нашу добрую Землю. Тогда мы, вероятно, обнаружим то, что мы ищем так близко, что не нужно преодолевать никакого пути, ни пропасти расстояний ни дефектов передачи, ни растворения власти в пространстве сознания, и что Правда здесь, непосредственная и всемогущая, в каждом атоме, в каждой клетке, в каждой секунде.

В итоге речь не идет об отточенном методе, который отбрасывает все препятствия, чтобы взобраться умственно вверх, но речь идет о глобальном методе: это не крутой подъем, а спуск или, скорее, раскрытие Правды, которая содержится везде, вплоть до самых клеток нашего тела.

Новое сознание

Есть совершенно новый факт.

Он не имел места в прошлом, он появился всего несколько лет назад. Это начало нового существования Земли и, может быть, Вселенной, оно настолько же простое и трогательное, как должно было быть появление первой ментальной вибрации в мире больших обезьян.

Начало не есть нечто такое, что потигает самое себя, что является чем-то чудодейственным или громогласным: это что-то очень простое и движущееся на ощупь что-то хрупкое, как молодой росток; и совсем еще непонятно, что это такое, последний ли порыв отшумевшего ветра или какое-то новое дуновение, похожее на это и, однако, совершенно другое.

И мы замираем от удивления и недоверия в ожидании чуда, как перед сюрпризом, захваченные врасплох, и который может исчезнуть в мгновение ока, если на него слишком долго смотреть.

Начало - это тысячи мелких признаков, которые приходят и уходят, которые касаются и

убегают, неожиданно возникают неизвестно как и откуда, потому что ими управляет другой закон, который шутит и смеется, другая логика, и они сно ва возвращаются тогда, когда мы считаем их утраченными, и оставляют нас совершенно растерянными в тот самый момент, когда мы думаем, что ухватили их, и это потому, что здесь действует другой ритм и может быть другой способ существования.

И, однако, все эти мелкие признаки создают мало-помалу другую картину. Эти маленькие, много раз повторяющиеся мазки создают я не знаю что, которое вибрирует иначе, которое нас изменяет без нашего ведома, затрагивая струну, которая не знает своей ноты, но, в итоге, зазвучит, создавая другую музыку. Все похоже и все очень разное. Мы рождаемся, не замечая этого.

Мы не можем точно сказать, каким образом это действует, не более чем древние обезьяны могли точно "сказать", что нужно делать, чтобы манипулировать мышью. Но по меньшей мере мы сможем назвать кое-какие из этих мелких, смелых мазков, указать основное направление и следовать шаг за шагом с нашим первооткрывателем нового мира, этой нити открытия, которая кажется иногда последовательной, но в итоге создает полное сцепление. Мы не знаем эту страну, и, может быть, можно сказать, что она формируется под нашими ногами, что она почти вырастает под нашим взглядом, как если бы заметить эту кривую, этот почти лукавый свет, значит подбодрить его, подтолкнуть его к росту и начертить под нашими ногами этот пунктир, другую кривую, а потом - этот очаровательный холм, к которому устремляются с бьющимся сердцем.

Наш первооткрыватель нового мира прежде всего является наблюдателем, ничто от него не ускользает; ни одна из деталей, ни одна из самых ничтожно малых встреч, ни незаметное совпадение - чудо рождается капельками, как если бы секрет заключался в бесконечно малом. Это микроскопический наблюдатель.

И, может быть, нет ни "великих", ни малых "вещей", а есть один и тот же верховный поток, каждая точка которого также полна наивысшим сознанием и смыслом, как и вся Вселенная, как если бы на самом деле общность цели была каждую секунду.

Итак, мы до отказа заполнили все свободные моменты дня - больше нет возделанной почвы - мы внесли сущность в промежуток между двумя действиями, и теперь даже сами наши действия не являются полностью подвластными этому механизму: мы можем говорить, звонить, писать, но позади, на заднем плане, есть что-то, что продолжает существовать, что вибрирует; вибрирует очень осторожно, как дыхание далекого моря, как журчание речушки вдалеке, и если мы остановимся посреди нашего жеста, если сделаем хоть шаг назад, - в мгновение ока окажемся в этой маленькой речушке, совершенно освежающей, в этой атмосфере широты и простора, и мы скользим там как в состоянии покоя Правды, потому что только одна Правда находится в состоянии покоя, поскольку она есть. Все остальное движется, проходит, меняется. Но странно, что этот вид перестановки или смещения от центра бытия не лишает нас жизненной хватки, не отвергает нас в нечто вроде сна, о котором пытаются сказать, что он пустой.

Наоборот, мы полностью пробуждены и даже можно бы назвать уснувшим того, кто говорит, пишет, звонит. Мы же находимся как бы в состоянии боевой готовности, но готовности обращенной не к раскручиванию механизма, не к игре выражений лица, расчета следующего шага, стремительную смену внешнего вида мы внимательны к другому, как бы прислушиваемся к тому, что позади нашей головы, если можно так сказать, в этой протяженности, которая вибрирует и вибрирует. Мы замечаем иногда разные варианты интенсивности, изменения ритма, внезапные давления, как если бы световой палец надавливал здесь, указывая что-то, останавливал нас на какой-то точке, направлял свой луч.

Тогда, не зная почему, мы произносим это слово, мы делаем этот жест, или же наоборот,

нас удерживают от этого жеста, мы поворачиваем туда, вместо того, чтобы повернуть сюда, мы улыбаемся в то время, как наш собеседник имеет неприятный вид, или же наоборот, мы отстраняемся от него, когда, кажется что у него добрые намерения. И все это удивительно четко, все это происходит в одно мгновение.

Это именно то, что нужно было сделать, сказать, именно туда надо было повернуть, чтобы избежать катастрофы или встретить того, кого нужно, и спустя два часа или два дня мы прекрасно понимаем смысл и точность наших действий.

Как будто мы вошли в истинное функционирование.

И первое же явления поражают нас. Это указания, которые к нам приходят, эти ощущения, этот нажим совсем не похожи на те, которые идут сверху, когда следуешь по пути подъема; это не откровения, не внушения, не видения, не озарения, не весь этот грохот высших ментальных планов. Это очень скромное действие и очень материальное, что-то такое, что привязывается к мельчайшим деталям, к самому слабому пролетающему дуновению, к этому автоматическому жесту, к этим тысячам движений, которые проявляются и исчезают. Можно даже сказать, что это функционирование идет на уровне земли.

Но это действие вначале очень неуверенно.

В каждый миг нас вновь захватывает старый механизм, привычка пережевывать мысли, ругаться, делать выводы, рассчитывать, и внезапно как будто спадает за веса, накладывается экран между спокойной ясностью позади и трудолюбивым завихрением здесь; сообщение перепуталось. И снова надо делать шаг назад, находить обширное пространство, а оно раздражено и не желает ничего говорить, не позволяет нам упасть, противопоставляя нейтральную тишину, неизменную белизну на вопрос, который мы посылаем и который, кстати, требует немедленного ответа. Тогда мы наступаем еще, мы сотрясаем механизм, чтобы заметить, что позади все бело, потому что не надо было ничего трогать впереди! И что момент ответа еще не пришел. Мы спотыкаемся и все равно идем к цели, мы доверяемся и часто неловки там, снаружи (или впереди), когда обстоятельства требуют быстроты или своевременности и те, кто живут прежним умом, может быть, смеются над нами, как, может быть, насмехались наиболее мужественные из человекообразных над первым человеком; он прыгал мимо своей ветки. Он падал и поднимался. Он продолжает делать то же самое. Но мало-помалу, как наша "демеханизация" обретает опору, утверждается, совершенствуется, связь становится более четкой, восприятия более точными и более правильными, мы начинаем разбираться в этой смутной сети, которая раньше нам казалась самой логикой.

В спокойной ясности мы замечаем множество движений, которые идут снизу, извне, снаружи: это перекрещивание вибраций, какофония мельчайших толчков, по ле битвы, арена, где ходят взад-вперед мрачные бойцы, где происходят глухие толчки, черные молнии, микроскопические желания, которые вцепляются друг в друга. И внезапно там, внутри, совсем маленькая капля из нашей спокойной реки падает тогда, когда ее не зовут, не ищут и не хотят, и все обретает развязку, выравнивается, стирается, растворяется, и это лицо там, перед нами, это маленькое шероховатое обстоятельство, этот твердый узел, это упорное сопротивление рассеивается, тает, расправляется, открывается как по волшебству. Мы начинаем овладевать мастерством. Но это очень любопытное, оно нам вовсе не подчиняется! Наоборот, как только мы хотим привести его в действие, оно ускользает, утекает сквозь пальцы, насмехается над нами и оставляет нас в дураках, как ученик скульптора, который хочет подражать резцу Учителя и не попадает в точку, а где-то около, даже по собственным пальцам. И мы учимся. Может быть, учимся не хотеть. Но это несколько сложнее (сложнее с нашей точки зрения, разумеется, потому что все для нас сложно, даже слишком).

Но на самом деле все очень просто. Мы учимся закону ритма, потому что Правда - это ритм.

У нее бывает оживленное течение и внезапные потоки, медленные промежутки, которые вливаются сами в себя, как одно море вливается в другое, более глубокое, как большая птица взмывает в голубую бесконечность; у нее есть внезапное постоянство, мелкие алмазные точки, которые пробиваются, пронзают насквозь огромное белое безмолвие, как степь в бесконечности веков, как бездонный взгляд, который проходит сквозь множество жизней, океаны горестей и труда, континенты пути, беспредельные дороги мольбы и страсти. У нее бывают внезапные взрывы, волшебные мгновения проявления, длительное огромное терпение, которое следует за каждым шагом, каждым жестом, как шелест вечности, содержащийся в каждой минуте.

И постоянно, позади этого мгновения или этой молнии как блеск меча, этой всеобъемлющей замедленности, которая разворачивает свою бесконечность, эту горящую точку, которая взрывается, это слово, которое подает команду, это давление, которое принуждает, есть как спокойный просвет, кристальная дистанция, маленькая, снежной белизны нота, которая, кажется, долго путешествовала через пространства спокойного света, прошла через фильтр бесконечной нежности, которая смотрит жемчужинами маленьких капель большой солнечной прерии, где никто не страдает, не действует, никто никем не становится - обширное пространство, несущее маленькую нотку, жест, слово и внезапность действия, вдруг выплескивается из неисчерпаемого мира, где шум времени, наплыв людей; водоворот страданий, уже излеченных, высказанных и ушедших в прошлое, вновь обретают свой покров вечности.

Поскольку Правда как бы одевает мир в огромное платье нежности, как в небесную бесконечность, в которой исчезают наши черные птицы, страдания здесь и там, серые крылья, розовые крылья. Все сливается, прилаживается к этой ноте и становится правильным, простым, и без пятен, без следов и без отметин, потому что все разумеется и вытекает из этой музыки, и самый маленький жест одного мгновения сочетается с великой зыбью, которая будет катиться даже тогда, когда нас уже не будет.

Но если хоть на минуту вмещивается "Я", маленькое "я", незначительная суровость, воля от себя - все нарушается и затормаживается, и старается, и хочет или не хочет, колеблется, ощупывает, и мгновение, все запутывается; последствия, действия, последствия всего, отяжелевшая память, отяжелевший шаг и страдания во всем. Поскольку мало иметь ясную голову - нужно быть чистым во всем.

В этом спокойном свете позади мы обнаруживаем второй уровень путаницы, бо лее низкий (это, безусловно, путь спуска).

По мере того, как ментальный механизм успокаивается, мы замечаем, до какой степени он подавлял все: жест, самое незаметное движение век, мельчайшую вибрацию, как прожорливая гидра, которая вечно расширяет свое влияние, и мы ясно видим, как появляется странная фауна, которую он прикрывал. Это больше не арена, это болото, где кишат всякого рода психологические микробы: множество мельчайших рефлексов, как разрывы правдоподобия, полуавтоматические реакции, дезорганизованные импульсы, тысячи желаний и самые большие разноцветные хищники наших инстинктивных желаний, наших закосленных вкусов и отвращений, наши "естественные" свойства и вся какофоническая игра симпатий и антипатий, притяжений, отталкивающего чувства, - вся эта система зубчатой передачи восходит к Прекамбрию, это чудовищный остаток привычки пожирать друг друга, бесконечный многоцветный вихрь, где избирательные свойства едва ли не являются продолжением вкусовых. Значит, есть не только ментальный, но и витальный механизм. Мы желаем, мы хотим. И, к несчастью, мы хотим самые разнообразные, противоречивые вещи, которые премещиваются с противоречивыми желаниями соседа, создают слепую амальгу, и мы не знаем, не готовит ли нам победа этого маленького сегодняшнего желания завтрашнее поражение, или, удовлетворив это желание, эту строгую и справедливую добродетель, этот благородный вкус, благонамаренный "альтруизм", это

непреклонный идеал, не готовим ли мы тем самым еще худшее несчастье, чем те беды, от которых мы хотим излечиться. Вся эта жизненная какофония, которая создает свои ментальные этикетки и свои аргументы, которая разглагольствует и философствует по поводу совершенно неумолимых причин, появляется в своем истинном свете, если так можно сказать, в маленькой тихой прогалине, где мы отныне заняли позицию. И здесь мы начинаем осуществлять процесс демеханизации. Вместо того, чтобы нам устремиться, в наши чувства, эмоции, вкусы и отвращения, нашу уверенность и неуверенность, как животное в свои когти (но без той животной уверенности), мы делаем шаг назад, останавливаемся и пропускаем поток, рефлекс, волнуемое чувство, но в любом случае это волнение в чистой светлой воде, которая течет позади, в этом надежном луче солнца; вдруг ритм прерывается, вода становится мутной, луч рассеивается. И эти разрывы нарушения, расстраивающие вклинивания, становятся все более и более невыносимым. Это похоже на внезапную нехватку кислорода, погружение в грязь, невыносимое ослепление и внезапное звучание песенки позади, которая делает жизнь такой гладкой, всеобъемлющей и ритмичной, похожей на огромную прерию под дыханием пассатов с той стороны.

Потому что, действительно, есть истинный ритм позади, вокруг, повсюду, огромный свободный поток, легкая протяженность времени, где дни, часы и годы, кажет ся, следуют, незыблемому движению звезд и Луны, поднимаются и опускаются, как зыбь из глубины веков, соединаются с общим движением и наполняют маленькую секунду, которая идет из вечности бытия.

Итак, мы заняли позицию там, в маленькой прогалине - это наша база, наш большой отпуск, наши Гималаи бульваров.

И в конце концов мы замечаем, что нет нужды "делать" или "не делать", вме шиваться или нет, хотеть или не хотеть подчинить это себе: достаточно просто быть и дать возможность течь этому маленькому ритму в вещах, этому светлому темпу во мраке обстоятельств, этому спокойному лучу над существами.

И все становится на свои места прочно, как по волшебству, и мы не знаем почему, поскольку единственный факт - это то, что мы здесь. Это как растворитель теней, проводник порядка, передатчик мира и гармонии, очиститель ритмов, потому что на самом деле зла нет, нет ни врагов, ни противоречий есть только плохо согласованные ритмы. И когда мы сами с собой согласованны, все согласуется, но не исходя из наших представлений о добре и зле, о счастье и несчастье, о провале или успехе: исходя из другого порядка, который мало-помалу проявляется, как безошибочный и наделенный видением наперед - это порядок истины.

И каждая минута становится ясной. Каждое лицо - позади своих теней, каждое обстоятельство - позади шума, каждый шаг - на удачу, каждое падение раскрывают свой смысл и как бы ядро, чистой правды, которая стремится восторжествовать. И тогда больше нет ни суждений, ни ложных рефлексов, ни спешки, ни напряжения, ни жадности, ни страха потерять или не иметь, ни беспокоящей неуверенности, ни уверенности, быстро развенчаной: есть ТО, что течет и что истинно, и что хочет стать все более и более истинным, потому что Правда - это великая радость жизни, покой, широта бытия, точность действия и совершенство минуты.

Мы вошли в новое сознание, сознание истны.

И снова нас поражает одно и то же явление: это не возвышенное сознание, какое обнаруживают на вершинах Духа и что является просто высшей точкой "я", нет сверкания внутри и, однако, есть маленькие искорки, которые наполняют наши секунды теплом вечности; нет поразительной необъятности, но есть маленькие прогалины, где дышится легко в каждый момент; нет космических видений, но есть маленькие капельки правды, которые, кажется, наполняют каждую точку вечным смыслом; нет предсказаний и пророчеств, нет экстазов и откровений, но есть простой ясный взгляд, который делает то, что надо и когда надо, и

смирненно го товит чудеса, которые придут; нет великих революций, но есть маленькая секундная революция вокруг неуловимого солнца внутри вещей; нет ни великих, ни малых вещей, есть равномерность правды, которая возрастает с каждым шагом и каждым жестом. Можно было бы даже сказать, что это сознание Правды Материи. И это - но вый великий факт в мире. Это новое сознание, о котором заявил Шри Ауробиндо. Это микроскопическое начало истинной земли. И поскольку они это не увидели (может быть, потому, что еще не пришло время), мудрецы былых времен взбирались на вершины гор в поисках неба. Но небо не здесь, с нами: оно увеличивается от нашего взгляда, упрочивается от каждого препятствия, каждого истинного движения, от каждой секунды, прожитой по-настоящему; оно вырисовывает под нашими удивленными шагами свои грациозные холмы и неуловимо вибрирует, раскалываясь и отрываясь от наших огромных пустырей.

Разрыв пределов

Мы кинулись на поиски "я" внутри и снаружи механизма, мы так нуждались в чем-то, что не было генетической суммой, этой легальной фикцией, этой биографии ей, которая является как бы путем смерти, этим сложением фактов и действий, итог которых нулевой, или вечной надеждой, я не знаю на что, находясь на гребне существования, который постоянно ускользает из-под наших ног и бежит дальше, к другой волне, которая является просто более или менее удачным повторением одного и того же, одной и той же "программы", вложенной в вычислительную машину с хромосомами родителей, учебой, формациями и деформациями; что-то, что не является этим портфелем, который несут под рукой, ни этим стетоскопом, ни этой ручкой, ни схемой наших чувств, наших мыслей, всегда похожих, ни чем-то общим от тысячи лиц и свиданий, которые делают нас всегда похожими и одинокими на маленьком острове нашего "я", и это не "я", миллион разнообразных вещей, идущих отовсюду: снаружи со всех сторон, сверху, снизу, через жизнь, мир, через существа - "я" и там, и внутри, где же "я" ?!

И этот вопрос стал настолько давящим, что однажды мы сделали шаг наружу, шаг в ничто, которое было чем-то, но это было единственным выходом со свинцового острова. И, мало-помалу, в этом маленьком пустом пространстве между тенью механического "я" и этим чем-то или этим ничем, которое смотрит на все, мы увидели, как в нас возрастает пламя необходимости - необходимости, которая становится все более и более интенсивной и кричащей по мере того, как сгущается мрак в нас, и пламя горит в этой давящей пустоте. И медленно-медленно, как отсвет зари ночью, как далекий город в тумане, мы видим возникновение слабых, мигающих потоков света, смутных призраков, таких смутных, что они были похожи на огоньки в темном море, и было непонятно, находились ли они в двадцати метрах или в десяти милях, если это не было отблеском какой-нибудь звезды.

И это ничто было уже чем-то в мире, где абсолютно ничего не было. Но мы упорствовали. Пламя необходимости укоренилось в нас (или вне нас, или на месте нас?), стало нашим спутником, нашим присутствием в отсутствии всего, нашей точкой референции, интимной точкой, которая вспыхивает и пылает - вот и все.

И чем больше оно увеличивалось в нас, настойчиво взывая в это удушьяющее и пустое ничто, тем четче вырисовывались призраки, увеличивались, вспыхивая почти повсюду под нашими ногами будто для того, чтобы сказать нам "Ты видишь, ты видишь", как если бы взывание к новому миру заставляло его рождаться, как если бы что-то отвечало на его зов. И маленькие хрупкие огоньки слились, утвердились, образовали линии, координаты, проходы, и мы начали входить в другую страну, в другое сознание, в другое функционирование бытия, - но где же я во всем этом, где тот, который руководит и владеет, этот единственный путешественник, этот центр, который не обезьяна и не человек?

И тогда мы посмотрели направо и налево: где я, кто я?... Нет меня! ни единого следа, ни

единого намека, для чего все это служит? Есть маленькая тень впереди, которая захватывает, собирает в кучу чувства, мысли, возможности, планы, как нищий, который боится, что его обворуют, который боится не иметь; он собирает сокровища на своем острове и умирает от жажды, от жажды посреди огромной водной глади. Он сооружает защитные линии и воздвигает замки против этой необъятности, слишком огромной для него. Но мы покинули этот оловянный остров, мы разрушили крепость, которая не была настолько уж укреплена.

И мы вошли в другой поток, который кажется неисчерпаемым сокровищем, беззаботно растрачивающим себя: что мы должны вынести из этой минуты, когда следующая минута, это другое богатство; о чем мы должны думать и что предвидеть?

Жизнь организуется по другому плану, который опрокидывает все старые планы и иногда, на секунду, приоткрывает, как взрыв смеха, неожиданное чудо, внезапную свободу, полное снятие цепей старой программы, легкий закончик, который течет сквозь пальцы, открывает все двери, устраняет одним щелчком неизбежные последствия и все старые железные законы, и оставляет нас на мгновение озадаченных на пороге невероятного солнечного освещения, как если бы мы перешли в другую Солнечную систему, - которая, может быть, вовсе и не система, - и как если бы разрыв механических границ изнутри вызвал такой же разрыв механических границ снаружи. Может быть, мы имеем дело с единственным и тем же самым Механизмом, и его законы являются цепью его собственной цепи.

Однако есть логика в этой другой манере существования, и именно эту логику нам нужно поймать в ловушку, если это возможно, если мы хотим сознательно управлять переходом в другое состояние не только в нашей жизни внутри, но и в нашей жизни снаружи. Нужно знать правила перехода.

По правде говоря, они не даются легко в руки, потому что они очень просты. Нужно экспериментировать, смотреть, неустанно наблюдать и особенно-особенно смотреть в микроскопический мир. И мы предполагаем, что большие приматы прежних времен, которые пытались стать людьми, должны были мало-помалу обнаруживать секрет другого состояния через тысячи молниеносных мгновений, когда они замечали, что эта таинственная мелкая вибрация, которая установилась между ними и их механическим действием, имела власть обработать иначе жест и его результат; нематериальный принцип окольным путем начинал изменять материю и законы лазания по деревьям. И представим еще, что они, наверное, были поражены незначительностью движения, которое вело к таким огромным последствиям (и именно поэтому от них так долго ускользало все - это было слишком просто): "это" не бралось за большие операции, за серьезные обезьяньи дела, а только за маленькие жесты, за камень, который поднимают случайно на краю дороги и который удерживают на мгновение в руке, за этот солнечный лучик на молодом побеге среди миллионов других в лесу, настолько похожих и опасных. Но на этот побег и на этот булыжник смотрят уже по-другому. И все заключается именно в этой разнице.

Значит нет мелочей для искателя нового мира, и мельчайшее колебание способно внутренней, вибрации тщательно замечается вместе с тем жестом, который его сопровождает, с возникающими при этом обстоятельствами, с лицом, которое промелькнет, но мы все называем "вибрация"; мысль очень мало что может увидеть в этом, она принадлежит к старой ментальной гимнастике и совершенно не влияет на новое сознание так же, как лазание по деревьям ничего не давало для появления первой мысли. Это скорее как перемена внутренней окраски, игра мимолетных теней и маленьких лучиков света солнца, легкости и тяжести, бесконечные варианты ритма, толчки и спокойное течение, внезапное давление, которое заставляет широко открывать глаза, проблески, недоумения, необъяснимые погружения. Нет ничего бесполезного, нет напрасных ростков в лесу, нет "затворов" и нет вещей, которые надо устранить, нет

неприятных обстоятельств, несвоевременных встреч, несчастных случаев - все полезно для искателя нового мира, все является почвой для изучения... можно даже сказать, что все дается для того чтобы обучить его.

И исследователь начинает обнаруживать первое правило перехода: все движет ся в одном направлении. Все придерживается одного направления! Нет загоров! Нет противников, нет препятствий, несчастных случаев, отрицательных вещей все положительно в высшей степени, все подает нам знак, толкает нас к открытию. Нет вещей незначительных, есть только неосознанные моменты. Нет вынужденных обстоятельств, есть только ложные положения.

Но каково же это положение, которое заставит брызнуть новое сознание, каков же этот взгляд, который способен увидеть другое!

Положение очень простое - мы уже это сказали - надо вначале выйти из меха низма, из его зубчатого сцепления и жить в этом пространстве позади. Мы говорим "позади", но мы четко не знаем есть ли впереди, сзади, не знаем, вверху ли, внизу - это только дистанция между "самим собой", старая тень, нечто вроде доминирующего положения и удаленного, как если бы тень составляла часть картины, на которую смотрят среди многих других вещей, но КТО смотрит? Где то самое "я", которое смотрит?...

И здесь тоже странное "я", которое не есть "я". Можно сказать, что "я" не нахожусь в теле, в центре ментальной и витальной паутины, но что тело во мне, со множеством прочих вещей.

И чем более полно осуществляется отцепление от механизма, тем более кажется, что это "я" простирается, касается множества точек, способно жить в различных других местах без трудности преодоления расстояний, как если бы оно больше не зависело от направлений, и, может быть, оно могло бы жить бесконечно здесь или там, в зависимости от того, куда направляется луч, это бесконечное "я".

Таким образом, основным условием является это маленькое светлое пространство позади, этот поток, который увеличивается: нужно, чтобы среда была ясной, иначе все путается и больше нет видения всего, а появляется снова старая привычная машина.

Но эта ясность является основным условием только для другой вещи: инструмент очищается перед использованием. И мы возвращаемся к нашему вопросу: каков же этот взгляд, который "откапывает" новое сознание? Поскольку речь идет именно об откапывании: это здесь, это находится не в небесах за миллионы километров и не космосе. Это так близко, что его не видно, это имеет вид пустяка, что мимо него проходят, как обьяна проходящая тысячи раз около реки и не заметившая потока энергии, который мог бы изменить ее мир.

Наш взгляд ложный, потому что он видит все через деформирующую призму своего механизма и этот механизм очень многообразен и гибок, он состоит из тысяч привычек, которые являются деформирующими как в их безопасности, так и в их целесообразности: это остатки антропоида, который должен был воздвигнуть барьеры для защиты своей маленькой жизни, своей семьи, своего клана, провести черту здесь, там, установить ограничения-границы, и вообще обезопасить свою жизнь, полную случайностей, упрочив ее в панцире своего я, индивидуальном и коллективном.

Существует, таким образом, и то, что хорошо, и то, что плохо, добро, зло, полезное, вредное, дозволенное, запрещенное, и мало-помалу мы покрылись скорлупой чудовищной полицейской сети, где мы имеем духовную свободу только дышать; и еще даже этот воздух испорчен многочисленными заповедями, которые ровно на градус выше слоя воздуха, отравленного углеродом наших машин.

В принципе, мы постоянно находимся в процессе "очищения" мира. Но мы начинаем замечать, что это очищение не такое уж правильное. Ни на секунду мы не прекращаем наводить свои разноцветные очки на вещи, чтобы видеть их в голубом цвете наших надежд, в красном -

наших желаний, в желтом - в готовых законах, в черном - в нашей морали и в бесконечных и в бесконечных серых тонах механизма, который вращается вечно.

Взгляд, истинный взгляд, который сможет выйти из ментального колдовства и, следовательно, сможет видеть, ясно вещи, не "исправляя" их немедленно, взгляд, который будет смотреть на это лицо, на это обстоятельство, на этот предмет, так же, как смотрят на бесконечное море, не стремясь ничего ни знать, ни понимать - и особенно понимать, - потому что здесь опять хочет укрепится старый механизм - отдаться на волю этой спокойной текучей бесконечности, купаться в том, что видишь, течь в вещах до тех пор, пока медленно, как из очень далекого далека, как бы со дна спокойного моря не выплывет ощущение виденной вещи, волнующего обстоятельства, лица около нас; ощущение, которое не является ни мыслью ни суждением, оно едва ли похоже на ощущение, но оно является вибрирующим стержнем вещи, его способом отличаться от других, его качеством, его интимной музыкой, его связью с великим Ритмом, текущим во Вселенной. И тогда постепенно открыватель нового мира увидит маленькую искорку чистой правды в сердце вещи, обстоятельства, лица, происшествия, маленький возглас истины, истинную вибрацию под всеми одежаниями: черными и желтыми, синими и красными, что-то такое, что является истинной каждой вещи, каждого существа, каждого обстоятельства, как если бы правда была повсюду, на каждом шагу, в каждый момент, но только прикрытая черным. И тогда исследователь попал бы в точку, ухватив, второе правило, перехода, самое главное из всех простых секретов: видеть истину, которая разлита повсюду.

Вооружившись этими двумя правилами, укрепившись в своей солнечной позиции на этой тихой прогалине, исследователь нового мира идет вглубь более обширного "я", может быть, бесконечного, которое охватывает эту улицу и эти существа, и все эти маленькие жесты данного момента.

Он идет спокойный и как бы уносимый великим ритмом, который несет все существа и все вещи вокруг него, тысячи внезапно возникающих встреч неизвестно откуда, и которые уходят туда. Он смотрит на эту маленькую ищущую тень, которая, кажется, идет с давних пор, с момента существования, может быть, повторяя те же самые жесты, спотыкаясь здесь и там, обмениваясь теми же самыми словами о погоде и все так похоже, так проникнуто нежностью, что эта улица, эти существа и эти встречи, кажется, вылиты из одной плавки, что они появились из глубины ночей, пришли из одной и той же истории под небом Египта, или Индии, или Луары сегодня или вчера, или пять тысяч лет назад. И что же по-настоящему изменилось с тех пор?!

Есть шагающее маленькое существо со своим огнем истины, огнем такой острой необходимости посреди потока времени, огнем, что является действительно ИМ, зовом из глубины веков, криком, всегда одинаковым среди этого необъятного потока вещей.

И к чему же он взывает, что кричит это существо? Разве оно не находится в этом огромном солнечном свете, который разрастается, в этом ритме, который не сет все? Он существует и не существует, он одной ногой в спокойной вечности, а другой спотыкается и ощупывает путь, эта, другая, продвигается в маленьком огненном "я", которое хотело бы наполнить эту секунду, этот напрасный жест, этот шаг среди тысяч подобных других, совокупностью истинного существования настолько полного, что могут вместить только тысячелетия, наполнить такой точностью, которая необходима так же, как скрещивание звезд над его головой. И чтобы все было истинным, абсолютно истинным и наполненным смыслом в этом огромном вихре тщеславия, чтобы эта линия, которую он пересекает, эта улица, по которой он идет, эта рука, которую он протягивает, это слово, которое падает, все соединилось с великим потоком миров, с ритмом звезд, с линиями, бесконечными линиями, которые бороздят Вселенную и сливаются в единое пение, в правду, переполненную всем и каждой частичкой всего.

Итак, он смотрит на эти проходящие маленькие вещи, наполняет их своим огненным зовом,

он смотрит и смотрит на эту маленькую правду, которая повсюду, и как будто вынужденная она сейчас запылает огнем.

И действительно, мир начинает меняться у нас на глазах, и ничто не является ничтожным, ничто не отделено от целого.

Мы присутствуем на всеобщем перерождении.

Наш простой взгляд имеет странные продолжения, наш маленький жест имеет далеко разносящееся эхо. Но это робкое рождение, это только маленькие мазки рассеяного повсюду зарождения. Исследователь останавливается перед маленькими, рассеянными брызгами, фактами без видимой связи, немного похожий не прежнему чем ловеко подобную обезьяну, которая смотрела на податливую ветку и на лианы, и на это рассыпанный камень прежде, чем соединить их в луке и поразить свою жертву на полном бегу. Он не знает соотношений, он их почти изобретает.

А наши изобретения - это только открытие того, что уже есть, как реки и лианы в лесу.

Новый мир - это мир новых отношений.

Итак, мы находимся в период второго возврата к себе, и изобретение, истинное изобретение, - это не то, которое установит связь между двумя материальными объектами через гибкое явление мысли, а это то, которое сможет установить связь этой же самой материи с более тонким явлением второго уровня сознания, молчаливого и без мысли.

Наш век не является веком усовершенствования материи путем самой материи, не расширением материи путем добавления других материй - мы уже задыхаемся от этого чудовищного избытка, который связывает нас и который является не чем иным, как "улучшением" системы обезьяны, - а веком изменения материи с помощью этой более гибкой власти, или же, скорее... пробуждения истинной власти, которая содержится в ней.

* * *

Трудно найти примеры среди тысяч маленьких микроскопических опытов, о которых нельзя сказать с уверенностью что это опыты, или совпадения, или воображение. Однако они повторяются, они упорствуют, как если бы невидимый световой палец, направляя наши шаги, останавливал наши действия, оказывая мягкое давление на ту или иную точку до тех пор, пока мы не поймем - тогда давление ослабевает и переходит к другой точке - и которое, кажется, возвращается и возвращается с той же самой настойчивостью.

Опыт - это тысяча опытов, которые познаются: нет рецепта, нет объяснительной аннотации, нужно идти, спотыкаться, снова идти до тех пор, пока вдруг не появится маленькое ах!, которое заполнит тысячу пустот.

Эти "опыты" бывают двух видов: положительные и отрицательные, и они отдал киваются от маленькой субъективной единицы, которой мы являемся, чтобы распространиться на большую объективную единицу, в которой мы движемся. Далее есть точка, в которой эта объективность и субъективность сливаются, маленькая материя с большой материей, и все приводится в движение одним толчком. Это разрыв границ.

Среди многочисленных мелких проявлений начала, из тех, которые возвращают ся наиболее постоянно, - это взаимопроникновение или слияние внутреннего и внешнего, но в обратном направлении по сравнению с тем, что происходит в материалистическом механизме. Там удар по пальцам вызывает в нашей субстанции удар материальный. И опыт повторяется тысячи раз и на всех уровнях нашего существования, чтобы мы хорошо поняли процесс. Вначале он отрицательный, он хватает нас за дефект нашего панциря, как будто ошибка является воротами для самой большой правды. Итак, мы вышли из нашей маленькой прогалины и нас снова захватывает механизм (следовало бы сказать: захватывает боль, потому что это действительно "я" сплошной боли) и все обстоятельства начинают меняться тайком, иногда даже очень явно, что может привести к

пришествию физическому. И, однако, там, внутри не было ни плохих мыслей, ни прежних желаний, ни проявлений недовольства: было только легкое скольжение в старое привычное состояние - находится под тревожной тяжестью, затмением, без видимой причины утратить маленький светлый лучик.

И все начинает скрипеть, ничто не согласуется, ничто не стыкуется, жесты отдельно, нога подворачивается на лестнице: впадаешь в нечто вроде тяжелого усилия, как будто все время мы давили на стену. Потом останвливаешься на мгно вение, замолкаешь, делаешь шаг назад, снова зажигаешь этот огонь необходимости, который действительно напоминает крик в асфиксии, и вдруг проветривается, облегчается, расслабляется - стена падает.

* * *

Мы вновь обрели опору в великом пространстве, нашли ритм, нежную музыку в глубине вещей; и все обстоятельства начинают незаметно склоняться в другую сторону, неожиданную, ловкую, непредвиденную, наполненную легкими рассыпанными улыбками, которые, кажется, брызжут отсюда, откуда и подают нам знак. Иногда все происходит, как по волшебству, но маленькие чудеса не умеют даже похвалиться, показать свою власть и не дорожат тем что мы их признаем, а просто улыбаются, если мы отгадываем что-то и как бы говорят: как ты глуп!

И на самом деле становишься абсолютным глупцом, когда вдруг оказываешься на невообразимой территории и вокруг как бы зажигаются маленькие живые огоньки, фантастические, легкие, восторженные взгляды и почти лукавые, как если бы двери открывались в тысячах уголков, капли сокровищ начинают сверкать повсюду и все внезапно, кажется, подчиняется другому закону, начинает жить в другом ритме, и ты думаешь, что наши глаза плохо видели в течении веков и теперь они видят правильно: мир становится настоящим, все проявляется, все откровение! Почти достаточно было бы сказать: "это так", и обстоятельство становится точно таким, каким мы его видели в данную секунду, оно подчиняется приказу, оно необъяснимо соединяется, как если бы было полное мгновенное соответствие между материей и открывшимся в нас взглядом, - все возможно, все становится возможным.

Можно подумать, что это чудо, но это не чудо, его нет, есть только связи, которые мы не понимаем. И опыт повторяется, чтобы мы хорошо его поняли: он мгновенный, фантастический и исчезает когда мы хотим его поймать, он зависит от другого.

И мы снова и снова возвращаемся к этому другому, которое не имеет никакого вида, оно простое, как улыбка, легкое, как ветер, послушное, как цветок под лучами солнца, может быть, это и есть то самое абсолютное согласие, нечто вроде слияния, наполненного солнцем со всем, с каждым мгновением? Но все время происходит нечто вроде вылупливания изнутри, что-то раскрывается и немедленно и прямо сообщается с материей, как если бы точка правды в нас присоединилась, коснулась тех же самых точек правды в материи: это течет, не разделяясь, и то, что "это" хочет здесь, в этой точке "я", оно также хочет там, в этой точке материии, потому что это единая и одна и та же субстанция, единое и одно и то же желание, единое и одно и то же глобальное "Я", единый и один и тот же ритм.

Перед нами открываются фантастические горизонты, а потом исчезают. Исследователь натолкнулся на избирательный секрет, который в зародыше содержит чудо нового мира, и это так же несомненно, как первая мысль обезьяны содержала в зародышевом состоянии чудеса Эйнштейна, но чудо свободное, полностью демеханизированное, полностью независимое от всех внешних механизмов, нечто вроде произвольного всплеска изнутри. И он попал в точку, обнаружив третье золотое правило перехода, изнутри наружу.

Жизнь не является больше результатом воздействия внешних явлений, ни сложением, ни сочетанием веществ властью ментального механизма, а раскрытием внутреннего явления, которое управляет правдой материи через внутреннюю правду это раскрытие истины в истине и

через истину.

* * *

И еще раз мы поражены тем же самым явлением. Эти мимолетные всплески не касаются "больших вещей", больших человеческих дел, сногшибательных и сенсационных; это маленькие чудеса, и даже можно сказать, чудеса тщательно детализированные, как если бы ключ был именно там, в этой совсем ничтожной повседневности, вровень с землей, как если бы на самом деле выигранная победа в самой маленькой точке материи имела бы более серьезные последствия, чем все путешествия на Луну и все великие революции людей, которые в итоге ничего не меняют.

И это новое функционирование нам действительно кажется радикально новым; оно ни в чем не похоже на возможности называемые духовными или оккультными, которые можно обрести, когда взбираешься по лестнице сознания: это не возможность предсказать будущее, не лечение болезней, не левитация, - тысяча и одна жалких возможностей, которые никогда не спасали мир от нищеты - это не яркие огни, предстающие на мгновение перед человеческим взором с тем, чтобы оставить его снова таким же, каким он был до этого - полусонным и предрасположенным к раку, это не короткие наложения сверху, которые переворачивают законы материи, потом, в следующий момент, снова опускают ее в ее густое, неподатливое упрямство.

Это новое сознание, полностью новое, как молодой росток, на дереве мира, прямая власть от материи к материи, без вмешательства сверху, без круговорота по нисходящей, без деформирующего посредника, без ослабляющего пути.

Истина здесь отвечает истине там мгновенно и самопроизвольно.

Это глобальное сознание, бесконечно и чрезвычайно согласованное с истиной каждой точки, каждой вещи, каждого существа, каждого момента.

Мы могли бы сказать, что это божественное сознание материи, то самое, которое когда-то бросило зерно в нашу добрую землю и эти миллионы шальных зерен, и эти миллионы звезд, прекрасно знающие в любой момент, все степени своего развития до самого мельчайшего лепесточка - все согласуется, если сообразуется с Законом. Потому что есть на самом деле только один Закон истинности.

Истина - это наивысшая сила действия.

Огонь нового мира

Но что же такое это новое сознание, внезапно появившееся в благодатный 1969 год нашей эволюции (остаётся выяснить, не было ли других благодатных лет, исчезнувших под обломками других цивилизаций и других человеческих циклов, достигших такого же уровня, как мы, уничтоженных, может быть, по тем же самым причинам, которые угрожают нам сегодня; не являемся ли мы последним гребнем большой эволюционной волны или повторением на "энном" количестве экземпляров попытки, которая много раз имела место быть здесь или в других мирах?).

Это новое сознание не настолько уж ново, но оно стало новым для нас и оно вошло в область практических реализаций дня, когда мы можем установить связь с ним, можно сказать, новое отношение. Потому что вечно, с того момента, когда начался счет времени, здесь или в других землях, речь идет, может быть, об одной и той же вечной Вещи, с которой мы устанавливаем отношения, в зависимости от нашей степени подготовленности.

То, что казалось далеким и божественным для орангутанга, уже близко и менее божественно для нас, но божества будущего еще будут распознаваться, их останется всегда на одного больше для воплощения. Это "всегда больше" и есть смысл эволюции и "Бог", которого мы исповедуем в форме орангутанга, в научной или религиозной форме, неправильно понимается и если мы его

окрестим, так от этого ни нам, ни ему хуже не будет.

Но это одна и та же вещь, которая все время здесь, только есть точки разрыва внутри видов, моменты приобщения к другому состоянию или другому отношению; совершенно очевидно, что хамелеон, предоставленный самому себе, не сможет вообразить ничего другого (допустим, что у него есть воображение) кроме суперхамелеона, наделенного более яркими красками и более выраженными возможностями хищника; точно так же королева кротов расширит свой склад и свои ходы - это то, что мы как раз делаем на свой человеческий манер.

Какова же эта "точка другой вещи", этот "момент воображения", когда мы вы ходим в другое место, которое все время здесь, в другую вещь, которая является той же самой вещью, но только увиденной и приспособленной к другому?

Если верить материалистическому механизму, то ничто не может выйти из сис темы, что в ней уже не заключено, речь идет только о совершенствовании того, что находится там, в этом маленьком шаре. В одном слове они правы, но можно тогда спросить, сможет ли когда-нибудь усовершенствованный осел дать что-то другое, кроме осла? Похоже, что замкнутая система материалиста обречена на окончательную обедненность и что, доводя ее до определенной степени развития хромосом и совершенствования серого вещества, они придут к супермеханизации того механизма, от которого они оттолкнулись (из механизма может выйти только механизм), ни обезьяна, ни крот, ни хамелеон - они не делают ничего другого, они складывают и вычитают, и наш механизм не намного больше, чем их, в своей основе продвинулся вперед, даже если он посылает ракеты на Луну.

В итоге мы состоим из усовершенствованной протоплазмы со всеохватывающими, более широкими способностями, с более ухищренным тропизмом, и вскоре мы научимся находить то, что нужно чтобы производить биологических Наполеонов и Эйнштейнов в пробирках.

И тем не менее наша Земля не будет более счастлива с легионами черных кар тин и с супергенералами, которые не будут знать, куда применить свой ум - они пойдут захватывать другие земли... и заполнять их черными картинами.

Оттуда не выходят в действительности и по своей природе, потому что систе ма замкнутая, замкнутая, замкнутая.

Мы подаем идею лучшего материализма, менее обедненного. Но сама материя менее глупа, чем мы о ней думаем. Наш материализм является преемником религи озных воззрений, даже можно сказать, его неизбежным напарником, как добро и зло, белое и черное, и любой дуализм, идущий от линейного видения мира, которое воспринимает один пучок травы за другим, камень за впадиной, горы после долин, не понимает, что все это вместе одинаково и полностью истинно и создает совершенную географию, где нет ни одной щели, которую нужно заполнить, ни одного камня, котрый нужно убрать без того, что бы не нарушить все остальное.

Нет ничего, что нужно устранить, и все следует рассматривать в глобальной истине. Противоречий нет, есть только узкий кругозор.

Мы считаем, что материя способна на чудеса значительно большие, чем наши механизированные чудеса, которые мы пытаемся вырвать из нее силой.

Материя не позволяет безнаказанно насиловать себя, она более сознательна, чем мы о ней думаем, менее замкнута, чем наша ментальная крепость, и она позволяет какое-то время себя насиловать, потому что она медлительная, а потом безжалостно мстит. Нам нужно знать только рычаг. Мы попытались найти его, очи щая материю от религиозной шелухи; мы изобрели микроскопы и скальпели, совершенствуя все более микроскопы, чтобы идти вглубь, видеть более крупным планом и открывать наимельчайшую частицу после наимельчайшей и следующую, которая все время кажется вожденным ключом, но открывающим дверь только к следующему наименьшему, без конца отдвигая пределы, которые заключаются в других

пределах, и так без дальее.

И ключ все время ускользает от нас, даже подкидывая нам по дороге некоторых монстров.

Мы начинаем видеть все более и более огромного муравья, который так же вечно имеет шесть лапок, невзирая на свержкислоты и свержчастицы, которые мы обнаруживаем в нем.

Может быть, мы сможем изобрести других и даже с тремя лапками - прекрасная перспектива! Но нам не нужен другой муравей, даже усовершенствованный: мы нуж даема в другом.

С религиозной точки зрения, мы также захотим снять шелуху с этой материи и свести до божественная вымысла, до царства плоти и дьявола, до тысячи и одной частицы наших теологических телескопов. Мы видим все выше и выше, все божественнее и божественнее, но у муравья все равно остается шесть лапок или три (к несчастью) между одним и другим вечно подобным рождением.

Нам не нужно заниматься спасением муравья, нам не муравей нужен, а что-то другое. И, в итоге, нам не нужно видеть ни более крупным планом, ни выше, ни дальше, а просто-напросто здесь, у себя под носом, в этом маленьком живом агломерате, который содержит свой собственный ключ, как зерно лотоса в грязи, и следовать третьим путем, который не является ни научным, ни религиозным, и, как знать, может, когда-нибудь он объединит своей законченной истиной все наши белые цвета с черными, добро со злом, небеса с адом, выпуклости со впадинами, в новую человеческую географию или сверхчеловеческую, которую и готовят тщателью все эти выпуклости и впадины, добро и зло.

Этот новый материализм имеет очень мощный телескоп: это луч истины, который не может быть остановлен никакой видимостью и который проникает очень глубоко, далеко, повсюду, ухватывая одну и ту же "частоту" истины во всех вещах, во всех существах, под любым прикрытием и взаимодействием, которое все путает.

Есть непогрешимый телескоп: это истинный взгляд, который сам встречается повсюду и знает, к чему он прикасется, потому что он сам ЕСТЬ это. Но эту прав ду надо вначале найти в самом себе, чтобы смочь находить ее повсюду; если сре да чистая - все чистое. И мы сказали, что у человека есть огненное "Я", в центре его существа маленькое пламя, крик чистого существа под обломками механизма.

Именно этот огонь и очищает. Именно этот огонь видит. Потому что это огонь истины в центре существа и это тот же самый Огонь повсюду, во всех существах, во всех вещах, во всех движениях мира и звезд, в этом камне на обочине дороги и в этом крылатом зерне, которое уносит ветер. Пять тысяч лет назад ведические риши воспевали это: "О, огонь! Твой блеск и небесах и на Земле, и в растениях и в воде... является живым океаном света, божественным видением... Он сын лесов сын неподвижных вещей и тех, что движутся. Даже в камне он находится для чело века, и он там посреди его дома... О, огонь, ты пуповина всех земель и всех его жителей".

Этот огонь риши обнаружили на пять тысяч лет раньше ученых. Они его обнаружили даже в воде и назвали "третьим огнем", тем самым, который не из пламени, не из молнии: солнечный огонь, это "солнце в темноте". И они его открыли только с помощью прямого видения Истины, без инструментов, только благодаря единственному их собственному внутреннему Огню - т идентично к идентичному.

Но ученые в своих микроскопах обнаружили только материальное атомное покрытие этого фундаментального Огня, который ляжет в сердце вещей и в началах миров. Они нашли результат действия, а не причину. И поскольку ученые нашли только результат, то они не получили ни истинной власти, ни ключа, который смог бы преобразовать материю - нашу материю - и заставить ее вернуть истинное чудо, которое является целью всех эволюций, "точкой" чего-то

другого", которое откроет дверь нового мира. Этот Огонь и есть власть над мирами, первое воспламенение эволюции, сила камня, зерна, сила "посреди дома".

Это именно он является рычагом. Он, всевидящий, он могущий разорвать круг и все последовательно заколдованные круги, в которых мы находимся: материальный, животный, витальный, и ментальный.

Ни один вид, даже доведенный до максимума эффективности, разумности и све та, не имеет власти перейти эти границы - ни хамелеон, ни обезьяна, ни человек просто через волевое усилие своих улучшенных хромосом. Это может сделать только Огонь. Это точка другой вещи, момент наивысшего воображения, которое устанавливает огонь на старые границы, как в тот день, когда тот же самый момент наивысшего воображения установил тот же самый огонь в сердце миров и бросил в воды времени этот солнечный посев и эти волны, эти круги образовались для того, чтобы каждый волосочек, каждая веточка, каждый росточек великого расцвета могли достичь своей бесконечности, освобожденные собственным величием.

И снова возвращаемся к нашему вопросу: что же это такое новое сознание, откуда оно взялось, если оно не продукт своего драгоценного мозга?

В принципе, навязчивой идеей материализма является стремление оказаться сразу же, немедленно и без предупреждения перед Богом, которому поклоняются, и мы их хорошо понимаем, когда смотрим на наивные изображения, которые нам заготовили религии. Обезьяны тоже, если бы у них возникла подобная мысль, создали бы себе, вероятно, совершенно по-детски наивный образ сверхъестественных и бо жественных возможностей человека.

Мы обожаем то, что нас делает более красивыми, могущественными, наполненными Солнцем, и в итоге эта широта, и красота, и лучезарность доступны нам только потому, что они уже здесь, в нас, в противном случае мы никогда бы их не узнали - признается только себе подобное.

Это все возрастающее подобие является единственным обожаемым божеством. Но мы хотим верить, что оно не останавливается на позолоченной бедности наших научных чудес так же как, как оно не остановилось на смелости питекантропов.

Такое "новое" сознание далеко не ново: новым является наш взгляд, подобие становится более точным (мы должны были бы, наверное, сказать точность приближающегося мира).

Этот мир не таков, каким он нам кажется: эта материя, такая прочная, как мы ее воспринимаем, эта прозрачная вода, эта очаровательная роза исчезают и становятся другими, и роза никогда не была розой, и вода кристальной водой: эта вода течет и кипит так же, как этот стол или камень, и ничто не является неподвижным. Мы расширили наше визуальное поле.

Но кто разрушил розу? Кто прав, микроскоп или глаза человека? и тот и другой, разумеется, и ни один из них полностью.

Микроскоп не аннулирует и не опровергает наше видение поверхности. Просто он касается другого этажа реальности, другого уровня одной и той же вещи. И поскольку микроскоп видит по-другому, он и может по-другому, и сообщает нам целую гамму лучей, которые изменяют нашу поверхность. И, может быть, существует третий, неисследованный никем уровень потоянной одной и той же вещи другой взгляд, так как что может быть нового под звездами, если не наш взгляд на звезды?

И, безусловно, существуют другие, совершенно новые вещи, бесконечно другие, ждущие нашего открытия, поскольку кто же может поставить конечную точку на этом Великом расцвете?

Нет конечной точки, нет цели там, есть наш взгляд, который расширяется и Цель там, ежеминутно.

Есть всеобщее расцветание, которое постепенно обнаруживает свое чудо, лепесток за

лепестком. И каждый новый взгляд изменяет наш мир и все законы по верхности так же основательно, как законы Эйнштейна преобразовали мир Ньютона.

Видеть по-другому - это и мочь по-другому. Этот третий уровень и есть новое сознание. И оно не аннулирует розу более, чем микроскоп, в итоге ничего не аннулируется, кроме нашей глупости: оно только соединяет розу со всеобщим великим расцветом и эти легкие воды, этот случайный камень, это маленькое, совсем одинокое в своем углу существо с великим ритмом одной и той же единой власти, которая мало-помалу создает нас по золоченому подобию всевидящего вну треннего Взгляда. И, может быть, новое сознание откроет нам дверь к чудесам менее уродливым: совсем маленьким естественным чудесам, которые заставят великую Цель раскрываться ежеминутно и обнаруживать тотальность чуда в одной точке

Но где же этот таинственный ключ к третьему уровню?

В действительности он совсем не таинственный, хотя он и полон тайны. К нему не надо подбирать сложные инструменты, он не скрывается в секретных знаниях и не падает с неба для избранных, он здесь, почти невидим невооруженным взглядом, он совсем простой и естественный. Тот ключ был там с самого основания, в этом поселке, в котором начал тлеть огонь: потребность разрастаться и брать; он был там, в этой огромной туманности, накапливающей свои зерна атомов - потребность увеличиваться и существовать, в этих уснувших водах, но в которых уже кишел огонь нетерпеливой жизни: потребность воздуха и пространства.

И все пришло в движение под напором того же самого огня; гелиотроп потянулся к Солнцу, голубка к своей паре, а человек неизвестно к чему.

Необъятная необходимость в сердце миров, которые обхватили друг друга смертельным объятием гравитации до самых галактик, туда, где кончается Андро меда. Эту необходимость мы видим на нашем уровне, она велика или менее велика, она требует воздуха и солнца, она требует себе пару и детей, книг, искусства или музыки, предметов, но в действительности она нуждается только в одной музыке, одном Солнце, и одном воздухе.

Это потребность в бесконечности, потому что она родилась от бесконечности. И до тех пор, пока она не завладеет своим единственным предметом, она не прекратится, галактики не престанут пожирать друг друга, люди не перестанут сражаться и трудиться для того, чтобы ухватить единственную вещь, которой они не имеют, как они полагают, и потребность в которой растет и растет внутри и раздувает огонь неудовлетворения до тех пор, пока не будет достигнуто последнее удовлетворение и владение одновременно, миллионами ненужных вещей - и этой не долговечной розой и этим маленьким никчемным жестом.

Именно этот Огонь и является ключом, потому что он родился от верховной Власти, которая посеяла в мире этот огонь; именно этот Огонь видит, потому что он родился от верховного Видения, которое зачало этот посев; именно этот Огонь знает, потому что он находится везде: и в вещах, и существах, и в камнях, и в звездах. Это Огонь нового мира, который пылает в сердце человека. "Это он пробуждается в тех, кто спит", - говорится в Упанишадах. И он не прекратится, пока все не восстановится в своей истине, в мире радости, потому что он рожден от Радости и для Радости.

Но это новое "я" прежде всего смешанно со всеми своими смутными заботами: оно трудится и желает, борется и стремится, оно карабкается как червь и ловит запах своей добычи на ветру. Оно должно сохранить себя и выжить. Оно ощупывает мир своими маленькими антеннами, он только видит фрагменты и то, что ему нужно. И в человеке - сознательном животном - оно расширяет свой круг, оно щупает, складывает фрагменты, систематизирует данные: оно создает законы, сборники знаний, евангелия.

Но позади есть это огненное "я", которое растет, оно не терпит законов, систем, евангелий, которое чувствует стену, позади каждой понятой истины, каждого зародившегося закона,

которое чувствует, что ловушка захлопывается за всеми открытиями, как если бы ухватить - значило быть схваченным, попасть в западню; есть что-то, которое направляет антенну и которое даже выражает свое нетерпение по поводу антенны и всей этой механики, тормозящих мир, как если бы вся эта механика, антенна и этот взгляд набрасывали последнюю пелену на мир и мешали ему прикоснуться к его оголенной реальности.

Если этот крик бытия внутри, который хочет видеть, который так хочет видеть истину и, наконец, выплеснутся на свободу: хозяин антенны вовсе не ее раб. Как если бы действительно хозяин всегда был заключен там и, выпустив свои ложножки, щупальца и все свои многоцветные сети, он пытался бы присоединиться к внешнему миру. Потом, однажды, под давлением этого огня необходимости весь механизм начинает трещать. Все трещит: законы, евангелия, знания и все мировые юриспруденции - этого больше не нужно! Даже лучше не надо, это еще один яд, западня мысли, книги, искусство и бог-отец, нужно что-то другое, другое! Что-то такое, что очень нужно и у которого нет названия, кроме слепой необходимости в нем...

И начинается демеханизация с таким же пылом, с каким начиналась механизация. Все горит, и не остается ничего, кроме этого чистого огня. Этот чистый огонь ничего не знает, ничего не видит, совсем ничего, даже мелких кусков тех фрагментов, которые он так тщательно собирал. Этот огонь почти болезненный, он тянется, трудится, ищет, ушибается - он хочет правды, он хочет другого, как раньше он хотел предметов, миллионы предметов и тянулся, чтобы схватить их. И постепенно все поглощается огнем. Даже желание другого, даже надежда когда-нибудь сжать в объятиях и эту невозможную чистую правду, даже усилие исчезает, и все утекает сквозь пальцы.

Остается только одно чистое пламя. Пламя, которое не знает, не видит, но которое чувствует и существует. И это приятное чувство просто быть пламенем без предметов - оно есть, оно есть просто и в чистом виде. Можно даже сказать, ни в чем другом оно не нуждается. Внутри его втекаешь, живешь внутри, это как любовь ни к чему и ко всему. А иногда погружаешься очень глубоко внутрь; тогда там, совсем на краю этого спокойного огня такого спокойного есть нечто похожее на улыбку ребенка, что-то, что смотрит на мир своим прозрачным взглядом и затем, если не обращать внимания, этот взгляд расплывается, течет в вещах, дышит в растениях, уходит в бесконечность, повсюду, улыбается в этом и в том, - все одновременно и немедленно. Нечего больше стремится взять, ухватить, нечего хотеть. Все здесь, абсолютно все здесь! Это здесь повсюду. Это взгляд без стены, видение, которое ничто не сковывает, знание, которое ничего не берет - все известно, все немедленно известно, и все это проходит насквозь, убегает, как игла, легкое, как пыльца, свободное, как ветер, это улыбается повсюду, как если бы это было одно и то же повсюду. И вот это маленькое начинает узнавать мир: новая география начинает обретать рельеф, свои краски, свои варианты. Это одна и та же вещь.

И, однако, каждая вещь как бы единственная. Это тот же самый огонь, но каждый из них имеет особую интенсивность, специальную частоту, преобладающую вибрацию и которая отличается так же, как музыка. Каждое существо имеет свою музыку, каждая вещь имеет свой ритм, каждый миг имеет свой цвет, каждое событие свой такт, и все начинает соединяться. Все приобретает свой смысл, и это как бы общий смысл, где каждый самый незначительный исполнитель имеет свое незаменимое положение, свое единственное место, свою уникальную ноту и свой необходимый жест. И тогда широко перед нашими глазами начинает разворачиваться чудо.

Мир - это чудо, открытие на каждом шагу, открытие микроскопического, бесконечное путешествие в конечное.

Мы находимся в другом сознании, мы ухватили огонь нового мира: "О, Огонь, ты вершина

роста нашего существа и его наивысшего распространения, вся слава и вся красота заключается в твоём желанном цвете и в твоём совершенном видении. О, Ширь, ты полнота, которая влечет нас на край пути, ты многообразие богатств, рассыпанных повсюду."

TO BE CONTINUED...